

В. В. Малащенко

**ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ
ПОЗДНИХ СТИХОТВОРЕНИЙ ГЕННАДИЯ ШПАЛИКОВА
(статья первая)**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 10.12.2023 г.

Принята к публикации 04.02.2024 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2024-1-8

89

Для цитирования: Малащенко В. В. Центральные образы и мотивы поздних стихотворений Геннадия Шпаликова (статья первая) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2024. №1. С. 89–99. doi: 10.5922/pikbfu-2024-1-8.

На материале поздних стихотворений Г. Шпаликова, одного из ярких представителей поэзии эпохи хрущевской оттепели, выделяется и рассматривается сфера ключевых образов и мотивов художественного мира поэта, который кодирован ситуацией онтологически-трагической экзистенции лирического субъекта в замкнутом хронотопе общества. Выявлены центральные мотивы творчества Шпаликова этого периода: мотивы одиночества, неприкаянности, заброшенности, незащитности, прощания, безысходности, самоубийства. Семантику художественного мира поздних (и не только) стихов маркирует тернарная модель «природа – человек – цивилизация / общество». Движением «сюжета» большинства поздних стихотворений определяется внутреннее катастрофическое изменение психического состояния лирического субъекта, стремящегося к добровольному уходу из жизни, что закреплено в экспрессивной, эмоционально-оценочной и сниженной лексике, тесноте стихотворного ряда и напряженном синтаксисе.

Ключевые слова: Г. Шпаликов, поэзия, поэтика, образ, мотив, мотивная структура, лирический субъект

Шестого сентября 2022 г. исполнилось 85 лет со дня рождения киносценариста, кинорежиссера, писателя и поэта Геннадия Федоровича Шпаликова (1937–1974). Первого ноября 2024 г. исполнится 50 лет со дня его смерти. Г. Ф. Шпаликов продолжает ряд поэтов и писателей, чей путь трагически и преждевременно прервался на роковой для многих из них цифре. Всего 37 кратких лет земной жизни было отмерено Г. Шпаликову судьбой или, возможно, им самим, поскольку он сам ее оборвал. Этот возраст – чуть раньше или позже – стал критическим и роковым для многих поэтов и писателей: А. Пушкина, В. Хлебникова, В. Маяковского, Д. Хармса, Леонида Губанова, Роберта Бёрнса, Артюра Рембо. В своем стихотворении 1971 г. «О фатальных датах и цифрах» В. С. Высоцкий лаконично и четко акцентировал этот факт:

Кто кончил жизнь трагически, тот — истинный поэт,
А если в точный срок, так — в полной мере:
На цифре 26 один шагнул под пистолет,
Другой же — в петлю слазил в «Англетере».
<...>
С меня при цифре 37 в момент слетает хмель, —
Вот и сейчас — как холодом подуло:
Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль
И Маяковский лег виском на дуло [4, с. 274–275].

Лучшие творческие годы сценариста Шпаликова пришлись на хрущевскую оттепель, он — один из знакового поколения «шестидесятников». Т. Дьяченко называет его «символом шестидесятых» [11, с. 553]. Подчеркнем, что Г. Шпаликов получил широкую известность в первую очередь как киносценарист и кинорежиссер. И только самые близкие друзья знали о том, что он еще и настоящий поэт. Однако по идеологическим, цензурным и иным причинам Шпаликову не суждено было при жизни увидеть свои стихи напечатанными. Да и писал он их для себя, не вынося на широкое обозрение. И порой только смерть предоставляет поэтам и писателям «возможность» публикации полноценного сборника стихов или произведений, как это произошло с Г. Шпаликовым, В. Высоцким, Л. Губановым, Венедиктом Ерофеевым. В 1982 г. Ю. Визбор в стихотворении «Письмо», осмысляя ранний уход из жизни В.С. Высоцкого, поразительно точно и горько определил эту особенность в иронично-парадоксальной трагической формулировке: «Теперь никто не хочет хотя бы умереть / Лишь для того, чтоб вышел первый сборник» [2, с. 380]. Первый сборник Г. Шпаликова «Избранное», куда вошли киносценарии, разрозненные заметки, а также стихи и песни, вышел только в 1979 г. благодаря стараниям его близких друзей — Юлия Файта, Павла Финна, Маргариты Синдерович, Александра Княжинского и др.

Подчеркнем главную особенность личности и характера Шпаликова — он был романтиком, а не стойким и последовательным борцом с жизненными трудностями, и уж тем более — с системой. Именно этот фактор и определил в конечном итоге трагический исход его жизни. Слишком часто его самые светлые надежды и творческие замыслы наталкивались на непробиваемую стену идеологически-бюрократического аппарата СССР. По мнению поэта Петра Вегина, Шпаликов — «тихий романтик — то есть романтик из романтиков. Чувствительность, с которой он воспринимал жизнь и переносил ее на бумагу, предполагает полное отсутствие кожи — он чувствовал радость и боль всеми обнаженными нервами — всеми фибрами души» [1, с. 91]. Очевидно, что неразрешимый конфликт между поэтом и системой был неизбежен, и его следствием для Шпаликова стали утрата иллюзий, разрушение надежд и крушение идеалов, поскольку «время “оттепели” было временем надежд и печали по мере их убывания» [11, с. 19]. На эту же особенность указывает и Т. Зверева: «Именно Геннадий Шпаликов олицетворял собой судьбу поколения, выброшенного оттепелью на авансцену истории и вынужденного осознать, что плыть некуда» [8, с. 190].

Движение времени неумолимо и, к глубокому сожалению, большинству сегодняшних современных читателей имя Шпаликова-поэта мало о чем говорит. По непонятной причине до настоящего времени изучение его творчества в России тоже находится в зачаточном состоянии. Список научно-популярных (литературно-художественный очерк Л. Шевченко [15]) и научно-критических [3; 7; 8; 13] работ, посвященных этому автору, необычайно скромны. В 2017 г. в серии «ЖЗЛ» вышла книга А. В. Кулагина «Шпаликов», которая заполнила многие лакуны в биографии поэта, связанные как с его личной жизнью, так и с творчеством.

Прежде чем приступить к анализу мотивной структуры и выделению ключевых образов и мотивов поздних стихотворений Геннадия Шпаликова, отметим несколько ключевых моментов. Во-первых, поэзию Шпаликова на идейном, сюжетно-композиционном и стилистическом уровнях отличает максимальная искренность, откровенность, тонкий психологизм, емкость образов, фрагментарность, точная детализация, драматизм, отсутствие сложной метафорики, необыкновенная легкость и кажущаяся простота. Это не «неслыханная простота» позднего творчества Б. Л. Пастернака. Простота Шпаликова базируется на особом, сосредоточенно-«кинематографическом» (умение выделить главное) взгляде поэта на окружающую действительность и на глубокий внутренний мир лирического субъекта. Это умение говорить просто и емко о сложном. Петр Вегин подчеркивает эту особенность шпаликовского стиха: «Он действительно из незаметных нюансов настроений и деталей, из двух-трех фраз и взглядов способен создать тонкую атмосферу нашего времени — времени уже ушедшего и неповторимого...» [1, с. 91]. И еще один характерный маркер поэзии Шпаликова — неуловимая, но ощущаемая реципиентом «прозрачность» стиха, свобода и энергия света, в том числе солнечного. На эту черту поэзии Шпаликова в свое время обратил внимание Леонид Шевченко: «В стихах Шпаликова столько солнца, что режет глаза. <...> Такого солнечного поэта никогда не было. Такого солнечного поэта никогда не будет» [15]. Поэтому крайне сложно согласиться, например, с мнением о том, что «Геннадий Шпаликов был *достаточно* оригинальным поэтом» [13, с. 41] (курсив наш. — В. М.).

Во-вторых, известную сложность для любого исследователя составляет отсутствие текстологически выверенного, академического издания поэзии Шпаликова и, как следствие, отсутствие точной, в том числе авторской, датировки его поэтического наследия — подавляющее большинство стихотворений поэта не датированы. В таких случаях мы будем придерживаться логики хронологии жизни и биографии поэта, идейно-тематической общности стихотворений, порядка публикации издателями стихов Шпаликова в поэтических сборниках 1998, 1999 и 2013 гг. При цитировании датированных стихотворений автора в скобках будет указываться год их написания, во всех остальных цитируемых стихотворениях датировка отсутствует.

В-третьих, в ходе нашего исследования мы будем периодически обращаться к более ранним произведениям поэта (без их анализа), в которых встречаются выделенные нами образы и мотивы. Это позволит показать, что ряд образов и мотивов, доминирующих в поздних стихотворениях, возникал уже в ранней лирике поэта.

И наконец, следует обозначить теоретические ориентиры нашего исследования. Особенность мотива в лирике состоит в *специфике лирического события*, отличающегося (при явной общности признаков) от события в эпическом произведении. Основополагающей в вопросе специфики лирического мотива представляется точка зрения И. Силантьева, который считает, что «основой лирической событийности выступает... дискретная динамика состояния лирического субъекта стихотворения» [12, с. 86]. То есть акцентируется внутреннее событие переживания лирического субъекта. Исследователь также подчеркивает, что «всякий мотив в лирике исключительно тематичен, и любому мотиву здесь можно поставить в соответствие определенную тему» [12, с. 87].

Внутренний / художественный мир поздних стихотворений Г. Шпаликова эксплицитно кодирован глубоким трагизмом и безысходностью, что кардинально отличает их от ранних стихотворений, маркированных жизнеутверждающим началом. Однако драматический модус, порой переходящий в трагический, встречается и в ранних стихах. Оппозиция двух начал, оптимистического и драматического, как верно отмечает О. Виноградова, составляет «основу поэтического мироощущения Г. Шпаликова» [3, с. 65]. Интерпретационная практика нашего исследования базируется на утверждении М.Л. Гаспарова о том, что «художественный мир текста... есть *система всех образов и мотивов*, присутствующих в данном тексте. ...*Потенциальным образом* является каждое существительное (с определяющим его прилагательным), а *потенциальным мотивом* — каждый глагол (с определяющими его наречиями)» [5, с. 275] (курсив наш. — В.М.).

Характерные черты лирики Шпаликова, особенно поздней, — очевидная автобиографичность, декларативная монологичность и, достаточно редко, диалогичность речи (обращение к конкретным адресатам — дочери, жене, друзьям). По верному наблюдению В. Геронимуса, «у Шпаликова диалог носит скрытый, интимно-доверительный характер» [6].

Материалом нашего исследования стал ряд поэтических текстов Г. Шпаликова, в которых выделены основные образы и мотивы. Их осмысление и интерпретация в связи с ограниченным объемом статьи затронут не весь этот ряд.

Стихотворения 1950–1960-х гг.

«*Ах улицы, единственный приют*» [16, с. 25]. *Образы* (здесь и далее в порядке их появления в тексте): город (не назван, подразумевается Москва), улицы, приют, горожане, товарищи, враги, заданная программа, намерения; *мотивы*: одиночество, неприкаянность, беспокойство, движение, путь, подчинение, проводники. Идеино-тематическое и сюжетно-композиционное единство стихотворения маркировано антитезами *улица / дом, беспокойство / покой*.

«Хоронят писателей мертвых» (1959) [16, с. 70]. *Образы*: похороны, панихида, смерть, мертвые писатели, поэзия, ровесники, каменный двор, дорогие люди; *мотивы*: разлука, движение, неподвижность, вынос тела умершего человека, двойничество, творчество, потеря, любовь. Идеино-тематическое и сюжетно-композиционное единство стихотворения маркировано бинарными оппозициями *смерть / жизнь, равнодушные / любовь* с финальной надеждой и просьбой-обращением лирического субъекта: «Ровесники, не умирайте».

«Поэтам следует печаль» [16, с. 71]. *Образы*: поэты, печаль, жизнь, разлука, строка, поэзия, город (не назван, подразумевается Москва), сугуба; *мотивы*: движение, молчание, одиночество, память. Семантика стихотворения выражена оппозициями *поэзия / жизнь, одиночество / дружба*.

«Не принимай во мне участия» [16, с. 93]. *Образы*: дом, улица, спасение, болезнь, лечение, дружба, тупик, простор, река, небо, ночь, день; *мотивы*: дорога, путь, движение, поиск, одиночество, безысходность. Семантика стихотворения выражена оппозициями *свобода / неволя, выход / тупик, гармония / хаос*.

Стихотворения 1970-х гг.

«Перед снегом» (декабрь 1973) [17, с. 60]. *Образы*: туман, мост, дождь, река, улица, непогода, день, вечер, тьма, душа, небеса; *мотивы*: движение, дорога, одиночество, перемена. Идеино-тематическое и сюжетно-композиционное единство стихотворения выражено изменением погоды и переменной настроения лирического субъекта.

«В ту зиму» (февраль 1974) [16, с. 114]. *Образы*: зима, проза, дом, комната, дружба, прошлое; *мотивы*: дорога, прощание, разлука, одиночество, заброшенность, творчество. Семантика стихотворения выражена оппозициями *быт / творчество*.

«Неправда — жизнь не оборвалась» (апрель 1974) [18, с. 400]. *Образы*: ложь, жизнь, вера; *мотивы*: потеря, надежда, победа. Семантика стихотворения выражена оппозициями *смерть / жизнь*. В 1-м катрене лирический субъект, несмотря на сложный жизненный период и обстоятельства, которые читателю неизвестны, не смиряется с ними. В имплицитной форме обозначена только констатация обстоятельств и невозможность их изменения на данном этапе. Явной антитезой первому катрену выступает второй. В нем эксплицитно развернута оптимистическая картина изменения настроения лирического субъекта — его вера в победу жизни над любыми обстоятельствами и отрицание смерти. И это несмотря на то, что до смерти Шпаликова остается всего лишь шесть месяцев.

«Даше» («Глаза мои опухали») [16, с. 123]. *Образы*: голова, части лица, плач, луг, люди, животные, одежда, жизнь, смех, смерть, блевотина, печаль, день, комната, чернила, обувь, части тела, дочь, сокровище, слова, время года, солнце, последний поворот; *мотивы*: плач, действие человека, крик, боль, путаница, поступок, одиночество, неустроенность, жизнь, обреченность, смерть, смех, действие, печаль, отложенная смерть, спокойствие, жест, прощание, диалог, беззащитность, головокружение, разлука, безысходность, самоубийство. Семантика стихотворения выражена оппозициями *смерть / жизнь, плач, боль героя / смех людей*.

Стихотворение написано в форме обращения к дочери Даше. В 1-й строфе в комически-иронической форме описано психологическое состояние лирического субъекта, 2-я конкретизирует и усиливает его состояние, акцентируя чувство боли, и через ироническую деталь («штаны, по сути, не иметь») [16, с. 123]) описывает бедственное социальное положение субъекта. В 3-й строфе представлена рефлексия субъекта о своем безвыходном положении и осознанное решение изменить образ жизни, подчеркнутое жаргонной разговорно-сниженной лексемой «блевотина», в 4-й — отложенное событие смерти, акцентированное ироничным просторечием «не помру», в 5-й — иронично маркированная бытовая картина жизни, подготавливающая последующие «ударные» строфы; 6-я и 7-я строфы — кульминация стихотворения, разрешение эмоционального состояния субъекта и принятие окончательного решения об уходе от дочери и из жизни:

Прощай, мое сокровище, —
Нелепые слова,
Но как от них укроешься —
Кружится голова.

И мартовская талость
Бросается и рвет.
Мне докружить осталось
Последний поворот [16, с. 123].

Рефлексия лирического субъекта о своем состоянии (заданном во второй строфе разговорной лексемой — инфинитивом «орать») в двух заключительных катренах достигает своего апогея через прямое обращение к дочери, усеченность стихотворных строк, эмоционально-окрашенную лексику и ряд глаголов. Императивная форма глагола «прощай», стоящего в сильной позиции начала строки, акцентирует осознанное решение лирического субъекта о своем уходе, а заключительное словосочетание «последний поворот» кроме номинативного имеет еще и коннотативное значение ухода из жизни. Между двумя семантическими маркерами — «прощай» и «последний поворот» — «разворачивается» своеобразное «игровое пространство», возникает «теснота стихового ряда» [14, с. 91] глаголов изъявительного наклонения совершенного (*укроешься, докружить*) и несовершенного (*кружится, бросается, рвет*) вида. В последнем катрене благодаря персонификации «И мартовская талость / Бросается и рвет» и психологическому параллелизму устанавливается соответствие между чувствами героя и состоянием природы. Семантическая пара «*кружится голова*» — «*мне докружить осталось*» объединяет в единое целое состояние, в котором находится лирический субъект, и его окончательный и осознанный выбор.

«*Не прикидываясь, а прикидывая*» [16, с. 125]. *Образы*: выбор, осмысление, решение, расставание, уход, близкие, друзья, прощание, боль, дочь, отсутствие «наследства»; *мотивы*: искренность, обдумывание, окончательный выбор, уход, прощание, одиночество, крик, завещание, обреченность, бездомность, безысходность, самоубийство. Семантика стихотворения выражена оппозициями *смерть / жизнь*.

Не прикидываясь, а прикидывая,
Не прикидывая ничего,
Покидаю вас и покидываю,
Дорогие мои, всего!

Всё прощание — в одиночку,
Напоследок — не верещать.
Завещаю вам только дочку —
Больше нечего завещать [16, с. 125].

По воспоминанию Дарьи Шпаликовой, стихотворение датировано 21 марта 1974 г., «до ухода отца — семь месяцев десять дней» [19]. «Завещание» — так мог бы быть озаглавлен этот текст. Стихотворение написано в жанре послания. Оно, как и предыдущее, структурировано в форме обращения. Но теперь это уже обращение к близким (дочери, жене) и к преданным друзьям поэта. В 1-й строфе звучат размышления лирического субъекта и его осознанное решение о добровольном уходе из жизни, во 2-й сквозит осознание одиночества, безысходности и собственной «несостоятельности» (биография последних лет жизни Шпаликова подсказывает ее «набор»: бездомность, безденежье, долги, отсутствие работы, пьянство, разочарование в жизни). Семантика текста выражена оппозициями *смерть / жизнь, одиночество / общество*.

Характерная черта стихотворения — максимальная искренность, обнаженность чувств и психологического состояния лирического субъекта. Трагическая картина самоубийства на стилистическом уровне усилена усеченной анафорой в 1-м катрене и эллипсисами во 2-м («Всё прощание — в одиночку, / Напоследок — не верещать») [16, с. 125]. Поэт использует прием парадокса, так как последнее прощание, самоубийство, смерть представлены им в намеренно игровой (в 1-й строфе), ироничной, будничной форме — через звуковые повторы и «столкновение» ряда деепричастий и глаголов с общей корневой морфемой, обращение к экспрессивной лексике, в том числе разговорной (*покидываю, не верещать*), а также через «физическое» отсутствие субъекта действия, так как подлежащее, выраженное личным местоимением 1-го лица единственного числа, пропущено в стихотворении, хотя имплицитно проявляет себя в окончаниях глаголов. Точная детализация катастрофичности события представлена во 2-й, кульминационной, ударной строфе. Она передана через нарушение грамматической формы (инфинитив в роли императива — сказуемое не *верещать*), антитезу — многократность действия и его отрицание (деепричастия *прикидываясь / прикидывая* — обстоятельства образа действия), глагол изъявительного наклонения несовершенного вида со значением замедления процесса действия *покидываю* (являющийся, с учетом минимальной частотности его использования в современном языке, явно авторским окказионализмом). Нарочито иронический тон начала стиха не затеняет, а еще больше акцентирует общую трагическую модальность стихотворения.

Подчеркнем отдельно – Г. Шпаликов был не только талантливым сценаристом, режиссером («Долгая счастливая жизнь», 1966), писателем, но и настоящим поэтом с исключительным мировидением и неповторимым идиостилем. Он «большой художник... художник поэтического склада» [9, с. 246]. Картина его поэтического мира уникальна, как и у любого другого оригинального поэта. Семантику художественного мира поздних стихов кодирует тернарная модель «природа – человек – цивилизация / общество».

В ходе первой части нашего исследования мы пришли к следующим выводам. *Основными образами* в поздних стихотворениях Шпаликова (часть из них возникает уже в стихотворениях 1950–1960-х гг.) выступают образы *природы* (река, небо, зима, непогода, туман, дождь, солнце, тьма, животные), *пространства* (город, дом, улица, тупик, простор, небеса, дорога, комната), *времени* (ночь, день, вечер, время года), *людей* (горожане, товарищи, враги, люди, близкие, друзья, дочь, сокровище), *человека и частей тела* (голова, части лица, части тела), *бытия* (одежда, чернила, обувь), *чувств и поведения* (приют, покой, заданная программа, намерения, спасение, болезнь, лечение, дружба, ложь, вера, выбор, осмысление, решение, расставание, уход, плач, танец, смех, блевотина, печаль, прощание, боль, отсутствие «наследства», последний поворот), *жизни и смерти* (жизнь, смерть, панихида, похороны), *абстрактных категорий* (душа). Как видно из представленной выборки художественных образов, центральными образами являются образы *чувств и поведения* лирического субъекта, маркированные в явно отрицательном ключе.

Основные мотивы поздней лирики Шпаликова: одиночество (в 7 стихотворениях), неприкаянность, беспокойство, движение (трижды), подчинение, проводники, разлука (трижды), вынос тела умершего человека, двойничество, творчество (дважды), потеря, любовь, молчание, память, дорога (дважды), перемена, прощание (дважды), заброшенность, потеря, надежда, победа, плач, действие человека, крик, боль, путаница, поступок, неустроенность, жизнь, обреченность (дважды), смерть, смех, действие, печаль, отложенная смерть, спокойствие, жест, диалог, незащитность, головокружение, разлука (дважды), безысходность (дважды), самоубийство (дважды), искренность, обдумывание, окончательный выбор, уход, крик, завещание, бездомность.

В мотивной сфере поздней лирики Шпаликова конститутивным и во многом аккумуляирующим все остальные мотивы выступает эмфатический *мотив одиночества*. По воспоминанию Э. Корсунской, Шпаликов «был один, свободный от всяких связей, обязательств, и только творчество оставалось с ним... творчество рвалось на волю, хотело жить, а воздуха не было. Их много было, раненых и убитых на этом творческом поле брани, но судьба Гены представляется мне особенно злосчастной и мученической. Он не только не умел бороться, но и не хотел» [11, с. 518]. Мотивная структура поздних стихотворений, выстроенная в линейной последовательности, не оставляет лирическому субъекту иного выхода, как уход из жизни – неприкаянность, заброшен-

ность, беззащитность, безысходность, самоубийство. Какую-то надежду еще дает мотив творчества, но в определенный момент лирический субъект понимает, что и оно не спасет его от смерти.

Важно, что идеи, образы и мотивы, связанные со смертью и доминирующие в поздней лирике поэта, можно встретить и в его ранних текстах. В стихотворении «Солнце бьет из всех расщелин» (1955) лирический субъект, пребывающий в депрессии и состоянии весенней тоски, рассматривает в качестве способа избавления от нее и такой вариант: «А что если взять и... повеситься, / Так, под настроение» [17, с. 158]. В сценарии-этюде «Человек умер» (1956) студенты читают, а потом обсуждают сообщение, вывешенное на доске объявлений: «*Деканат сценарного факультета с грустью сообщает, что на днях добровольно ушел из жизни ШПАЛИКОВ ГЕННАДИЙ*» [16, с. 603]. Автору на момент написания этих текстов было 18 и 19 лет соответственно. Однако читателя не должна ввести в заблуждения «серьезность» подобных намерений героя, так как здесь явно прочитываются и юношеская бравада, и ироническое отношение к смерти, и определенная эпатажность.

В поздних стихотворениях все обстоит гораздо серьезней. Их художественный мир изображает ситуацию онтологически-трагической экзистенции лирического субъекта в замкнутом хронотопе общества. Таким же катастрофическим было положение и состояние самого Шпаликова в это время. Вот, например, откровенное свидетельство Б. Ахмадулиной: «Я видела его последние, вернее, предпоследние дни. Трагическая, как бы несбывшаяся жизнь, совершенное одиночество, лютаая унижительная нужда» [11, с. 389].

Образы улицы, дороги, пути — открытого пространства — только на какое-то краткое мгновение предоставляют лирическому субъекту возможность обрести свободу (в большинстве остальных случаев явлено внутреннее эмоционально-психологическое закрытое пространство субъекта), но перечисленные выше центральные мотивы (неприкаянность, заброшенность, беззащитность, безысходность, самоубийство) в исследуемых стихотворениях отражают неизбежное и добровольное стремление лирического субъекта к смерти. Центральные образы и мотивы поздних стихотворений Шпаликова отчетливо кодируют доминантную тему смерти, определяющую специфику художественного мира поэта.

Обнаженно-пронзительная поздняя лирика Шпаликова показывает читателю как трагедию человека (последствия разрыва с женой, невозможность видеться с дочерью, бытовая неустроенность, отсутствие жилья, безденежье, пьянство, одиночество), так и трагедию поэта, которому общество и угнетающая атмосфера той эпохи не оставили выхода ни в жизни, ни в творчестве. Но парадокс состоит в том, что эта система и личные жизненные обстоятельства не смогли заставить Шпаликова отказаться от своих идеалов, принципов, честности и порядочности. Свою победу над системой, которую он не принимал и которой всегда внутренне сопротивлялся, Шпаликов одержал, пусть и ценой собствен-

ной жизни. Точно так же, как он парадоксально одержал победу над смертью своим добровольным уходом из жизни, так как «особой формой победы над смертью и преодоления ее является самоубийство» [10, с. 421]. Именно об этом пойдет речь в следующей, заключительной статье.

Список литературы

1. *Вегин П.* Его ошибка... // Юность. 1987. №9. С. 91.
2. *Визбор Ю.* Ты у меня одна. М., 2001.
3. *Виноградова О.А.* Поэтический мир Геннадия Шпаликова // Дергачевские чтения — 98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1998. С. 63—65.
4. *Высоцкий В.С.* Соч. : в 2 т. Т. 1 : Песни. Екатеринбург, 2002.
5. *Гаспаров М.Л.* Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Гаспаров М.Л. Избр. ст. М., 1995. С. 275—285.
6. *Геронимус В.* «А человек уходит в ночь...». О поэзии Геннадия Шпаликова // Pechorin.net. URL: <https://pechorin.net/articles/view/a-chieloviek-ukhodit-v-noch-o-poezii-giennadiia-shpalikova> (дата обращения: 24.11.2023).
7. *Забашта Р.В.* Функция подвижного персонажа в поэтическом тексте: интерпретационный аспект (на примере стихотворения Г. Шпаликова «По несчастью или счастью...») // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67), №2. С. 131—136.
8. *Зверева Т.В.* «Куда ж нам плыть?»: Пушкинские ориентиры в творчестве Геннадия Шпаликова // Уральский филологический вестник. 2021. №4. С. 179—193.
9. *Кулагин А.В.* Шпаликов. М., 2017.
10. *Лотман Ю.М.* Смерть как проблема сюжета // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 415—430.
11. *Сегодня вечером мы пришли к Шпаликову: Воспоминания, дневники, письма, последний сценарий* / сост. А.Ю. Хржановский. М., 2018.
12. *Силантьев И.В.* Лирический мотив // Силантьев И.В. Поэтика мотива. М., 2004. С. 86—89.
13. *Таймазова Л.Л., Велиляева Д.Р.* Особенности поэтического языка Г. Шпаликова. Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Сер.: Филология. История. 2018. №1. С. 40—43.
14. *Тынянов Ю.* Проблема стихотворного языка. Л., 1924.
15. *Шевченко Л.* Хорошо ловится рыбка // Знамя. 1999. №8.
16. *Шпаликов Г.* Стихи. Письма. Песни. Сценарии. Роман. Рассказы. Наброски. Дневники. Письма. Екатеринбург, 1998.
17. *Шпаликов Г.* Пароход белый-беленький : сб. стихов. М., 1999.
18. *Шпаликов Г.Ф.* Я жил как жил. Стихи. Проза. Драматургия. Дневники. Письма. М., 2013.
19. *Шпаликова Д.* Дарья Шпаликова. Завещание отца. URL: <https://7days.ru/caravan-collection/2012/1/darya-shpalikova-zaveshchanie-otsta/6.htm> (дата обращения: 01.12.2023).

Об авторе

Владимир Владимирович Малащенко — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5679-4730

V. V. Malashchenko

CENTRAL IMAGES AND MOTIFS
OF GENNADY SHPALIKOV'S LATE POEMS
(article one)

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 10 December 2023

Accepted 4 February 2024

doi: 10.5922/pikbfu-2024-1-8

To cite this article: Malashchenko V. V. 2024, Central images and motifs of Gennady Shpalikov's late poems (article one), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 89–99. doi: 10.5922/pikbfu-2024-1-8.

99

The material of the late poems by G. Shpalikov, one of the prominent representatives of poetry during the Khrushchev Thaw era, is singled out and examined in terms of the sphere of key images and motifs in the poet's artistic world, which are encoded by the ontological-tragic situation of the lyrical subject in the enclosed chronotope of society. The central motifs of Shpalikov's work during this period have been identified: motifs of loneliness, rootlessness, abandonment, vulnerability, farewell, hopelessness, and suicide. The semantic structure of the artistic world of the late (and not only late) poems is marked by a ternary model of "nature – human – civilization/society." The movement of the "plot" in most late poems is determined by the internal catastrophic change in the psychological state of the lyrical subject, seeking voluntary departure from life, which is reflected in the expressive, emotionally evaluative, and reduced lexicon, the tightness of poetic lines, and tense syntax.

Keywords: Gennady Shpalikov, poetry, poetics, image, motive, motivic structure, lyrical subject

The author

Dr Vladimir V. Malashchenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5679-4730